

ченные апрелем, уже тревожны. И те небольшие намеки на состояние тревоги, которые проскальзывают в «Переписке» в период пребывания Пушкина в Москве до отъезда его в Петербург, в письмах Вяземского получают более реальную форму. Следовательно, все переживания, весь тот комплекс нервных настроений, под влиянием каких бы то ни было переплетающихся недоразумений ни возникли они, были более предположительны, более интенсивны, чем дает возможность предполагать «Переписка». Они шли с ранней весны.

К личным недоразумениям прибавлялась «забота», по выражению Вяземского, «родительского чадолюбивого правительства». Эта забота, ярко выраженная письмами Бенкендорфа, является на протяжении всего этого времени. Невольный узник Болдина, привезший туда неизжитое волнение, стремящийся прорваться через карантин навстречу новым тревогам, беспокойный неприятными известиями, Пушкин отдается работе. Неоконченное волнующее переживание разрешается наивысшим напряжением творческих сил. «Степь да степь»¹ отодвигают московские переживания. Работу охраняют тишина и осень.

М. Баровкова-Майкова

VII

К источникам «Египетских ночей»

1

По свидетельству пушкиноведов (Анненкова, Ефремова, Морозова, Лернера, Брюсова и др.), первая мысль о произведении, оформившемся впоследствии в неоконченную повесть «Египетские ночи», возникла у Пушкина в 1824—1825 годах под непосредственным воздействием чтения Виктора Аврелия («De viris illustribus») и в связи с рассказом последнего о ночах Клеопатры. Воздействие это было, очевидно, настолько живо, что Пушкин тогда же набросал и первый² вариант тоже незакончен-

¹ Письмо к Плетневу.

² Я. Багдасарянц предполагает, что этому варианту предшествовал еще какой-то другой (см. «Пушкин, статьи и материалы», под ред. М. П. Алексеева, в. II, Одесса, 1926, стр. 88—91). Это предположение подтверждается последней работой над текстами «Египетских ночей», сделанной С. Бонди в книге: «Последние страницы Пушкина» (Кооперативное изд-во «Мир», Москва 1931, стр. 148—205), который приводит и начало отрывка. Книга С. Бонди появилась почти через год после написания

ного стихотворения: «И снова гордый глас возвысила царица. . .», к которому он неоднократно возвращался и который получил наибольшую известность в виде последней редакции стихотворного отрывка «Чертог сиял. . .» с измененным ритмом и расширенной тематикой.

Отозвавшись таким образом на впечатление, вызванное чтением римского писателя, Пушкин надолго забыл или по другим причинам отодвинул в сторону заинтересовавший его образ египетской царицы. Но вот в первой половине 30-х годов образ этот снова почему-то выплывает в сознании поэта и начинает занимать его настолько, что Пушкин возвращается к забытым стихотворным отрывкам и несколько раз пытается лодыскать для них подходящее сюжетное окружение, на этот раз главным образом уже в прозе. Так появляются три главы «Повести из древне-римской жизни» с программой-конспектом ее, в котором упоминается имя Клеопатры;¹ три отрывка к той же теме уже из окружения современной Пушкину жизни русского великосветского общества (при последнем стоит дата: 26 октября (1835),² и, наконец, последний канонизованный отрывок, получивший заглавие «Египетские ночи», которого написаны были только три главы и который нас здесь только и интересует.

Морозов и другие пушкиноведы относят как четыре прозаических отрывка, так и самую повесть к 1835 году. Что касается первых отрывков, мы судить о них не беремся, так как автографов их не изучали и к нашей теме вопрос этот имеет только косвенное отношение; для нас важно знать время написания последнего отрывка с заглавием «Египетские ночи» или, вернее, установить, что до 1832 года он не мог быть написан, и для этого мы имеем совершенно определенные данные. В 1922 году в сборнике «Неизданный Пушкин»³ М. Л. Гоф-

предлагаемой здесь статьи (законченной в начале 1930 года), — и, так как она не вносит существенных изменений в ее построение и выводы, я оставляю свою работу в ее первоначальном виде. Однако должна при этом оговориться: во время писания статьи я, к сожалению, пропустила некоторые, в большей или меньшей мере существенные для нее материалы, о которых недавно напомнили мне Д. П. Якубович и Л. Б. Модзалевский; если бы эти материалы вспомнились мне в свое время, статья была бы построена и написана иначе; теперь же мне приходится дополнить ее примечаниями, без которых тогда можно было бы обойтись.

¹ Пушкин, т. V, изд. «Просвещение», стр. 538—540. С. Бонди отрицает непосредственную связь рассказа за древне-римской жизни с «Египетскими ночами».

² Там же, стр. 540—549.

³ «Труды Пушкинского Дома», Изд «Атеней». Пб. 1922, стр. 104—112

ман опубликовал тщательно разобранные и описанные им два новых автографа Пушкина к «Египетским ночам», оставшихся неизвестными Морозову, Ефремову и другим и потому не входивших в полные собрания сочинений Пушкина; один из них — стихотворение: «Зачем печаль ее гнетет?..»,¹ и другой — прозаический набросок-программа: «Темная знойная ночь объемлет Африканское небо...», в котором ниже речь идет уже прямо о Клеопатре, как и первый — с многочисленными поправками и на бумаге с водяным знаком 1834 года. Следовательно, раньше 1834 года «Египетские ночи» ни в коем случае написаны быть не могли, потому что самое существование этих двух набросков к ним на бумаге 1834 года (наброски на этой бумаге могли быть, конечно, написаны и позже, например, в 1835 году, даже в 1836, куда пришлось бы отнести тогда и «Египетские ночи») свидетельствует о том, что Пушкин в то время еще не нашел окончательной формы для своей давней темы Клеопатриных ночей, снова и снова к ней возвращался, дополняя и по-разному конкретизируя старое, а потому датировать «Египетские ночи» 1835 годом, как это делалось до сих пор, — вполне возможно и, вероятно, действительно должно.

Но как произошло такое видоизменение первоначального замысла, то есть почему Пушкин от темы «Клеопатра», задуманной, вероятно, сначала в форме поэмы или, по крайней мере, в форме большого стихотворения из древне-римской (о чем свидетельствует и первый прозаический отрывок) или египетской жизни (отрывок: «Темная знойная ночь объемлет Африканское небо...»), перешел к той же теме уже в прозаическом оформлении ее и с заменой экзотического сценария сценарием из русской жизни, и что, наконец, дало Пушкину повод ввести в окончательную редакцию образ импровизатора, являющегося едва ли не равноценным образом Клеопатры сюжетным образом «Египетских ночей», по крайней мере, в этом их незавершенном отрывке?²

¹ Чистовая рукопись на бумаге с водяным знаком 1834 года, с более поздними переправками Пушкина как первой строки (на: «Какая грусть ее гнетет...»), так и многих иных строк и отдельных слов, сделанными другим, более торопливым почерком и чернилами другого цвета.

² Впоследствии, если бы произведение было закончено, образ импровизатора, такой удобный для завязки и начала развития действия, отошел бы, можно думать, на задний план, так как тема должна была быть развита в образ русской великосветской Клеопатры, где он мог снова появляться уже только эпизодически; на возможность такого именно разветвления сюжета повести определенные намеки можно усмотреть в первом и втором отрывках из русской жизни (в первом — слова «дурнушки» графини К., во втором — разговор Алексея Ивановича с Лидиной).

2

Нам кажется, что есть некоторые данные, позволяющие определенно ответить на последний из этих вопросов. Конечно мы не беремся решать, почему Пушкин не осуществил в свое время своего замысла, т. е. почему он не окончил ни в 1824—1825 годах, ни позже задуманной поэмы (или стихотворения); только гадательно можно ответить на вопрос, почему от формы поэтической он перешел к форме прозы (может быть, в связи с общим направлением его в эти годы, склонявшим его к предпочтению последней формы). Но объяснение русского сценария и неожиданного появления образа импровизатора в окончательном отрывке «Египетских ночей» имеет свои источники в окружающей поэта реальной действительности. Удивлять нас это не может и не должно; почти все творчество Пушкина основано на «впечатлениях бытия», и многое в нем коренится в фактах биографии поэта. Так и в нашем случае. Толчком к тому, что Пушкин напал, наконец, на удовлетворившую его, повидимому, форму для темы «Клеопатра», послужило действительное появление реального импровизатора на горизонте великосветского Петербурга, сразу подвинувшее Пушкина в его поисках оформляющего сюжета, отчетливо не дававшего ему раньше ни в стихотворных, ни в прозаических набросках, чем, вероятно, отчасти и объясняется то, что они так и остались только набросками.¹

¹ Этим не исключается возможность влияния и чисто литературных источников при окончательной разработке образа импровизатора, что к нашей теме не относится и может служить предметом особого исследования.

Но нельзя не упомянуть здесь двух произведений, имеющих ближайшую связь с сюжетом «Египетских ночей», Пушкину несомненно известных и так или иначе им, вероятно, при работе вспомненных; это — «Коринна» г-жи Сталь и «Импровизатор» кн. В. Ф. Одоевского. Что касается «Коринны», — экземпляр этого романа имеется в собственной библиотеке Пушкина, хранящейся в бывшем Пушкинском Доме; он разрезан, и хотя никаких пометок Пушкина в нем нет, зато была закладка, вложенная между стр. 106—107 второго тома романа в главе «Improvisation de Corinne dans la campagne de Naples», где есть упоминание о вулканах и, в частности, — описание Везувия («Oeuvres complètes de M-me la baronne de Staël... Paris. 1820»; томы VIII и IX — «Corinne ou l'Italie»; № 1406 описание Б. Л. Модзалевского); кроме того, во II томе на стр. 87 (кн. XIII, гл. I) интересно отметить описание самого извержения Везувия, наблюдаемого Коринной и Освальдом; наконец в том же томе II (кн. XIX, гл. VI) на стр. 434—435 описывается внезапное появление в номере Миланской гостиницы, занятом Освальдом и его женой во второй поезд его в Италию, жалкого импровизатора-римлянина, «d'une figure très-noire, très-marquée, mais cependant sans véritable physionomie», который произвел

Этим реальным импровизатором был некто Макс Лангеншварц, приехавший весной 1832 года из Германии в Петербург и выступавший как публично, так и в частных домах со своими импровизациями на заданные темы.

Вот какие сообщения читаем мы об этом в «Северной пчеле» за этот год.

В № 115 (суббота, 21 мая) помещен такой предварительный отзыв о Лангеншварце:

«Недавно прибыл в С. Петербург известный в Германии молодой импровизатор г. Лангеншварц. Он сочиняет стихи изустно и на письме на всякие заданные ему темы без малейшего приготвления, в разных размерах и даже на разных наречиях немецкого языка. Во многих частных домах изумлялись его изумительному дарованию! На сих днях продиктовал он в одно время трем особам три стихотворения о трех совершенно различных заданных ему предметах, разными размерами, разным слогом и в различном духе; он диктовал каждому из пишущих по одному стиху и кончил задачу в четверть часа с невероятным успехом. Слышно, что он намерен публично показать опыты своего необыкновенного искусства».

Через два номера следует анонс (№ 117, вторник, 24 мая):

«Германский импровизатор г. Лангеншварц... возбуждивший своим необыкновенным дарованием и искусством внимание и удивление во многих частных обществах здешней столицы, будет импровизировать перед большою публикою сегодня, во вторник, 24 мая, в 7 часов пополудни, в зале Гандовального Общества в доме Косиковского, на углу Б. Морской и Невского Проспекта».

на Освальда и всей наружностью своей, и своими жестами, и самой банальностью своей импровизации жалкое и удручающее впечатление, усиленное еще резкостью контраста, который оно представляло с воспоминаниями о первом появлении перед ним Коринны и ее вдохновенных импровизаций. — Рассказ Одоевского, напечатанный впервые в альманаче «Альциона» на 1833 год (в Пушкинской библиотеке также имеется под № 447 описания), интересен для нас в другом отношении: он описывает сеанс того самого импровизатора, который внушил Пушкину сюжетный образ его повести, и притом с такими подробностями, которые отметил и Пушкин, воспроизведший в «Египетских ночах» тот же сеанс, о чем будет ниже Свидетельством того, что тема и литература об импровизаторах сильно интересовали одно время Пушкина, может служить и приобретение им совершенно неизвестных «The Poetical Works of L. E. L.» (№ 1054 описания), весь четвертый томик которых занят поэмой «Improvisatrice»; правда, так и оставшейся неразрезанной. Кроме того, следует вспомнить, что в 1834 году появилась картина Брюллова «Последний день Помпеи», внушившая, вероятно, Пушкину его стихотворный отрывок «Везувий зев открыл...», также близкий к теме «Египетских ночей» и, может быть, начатый не без намерения использовать его как-нибудь для повести.

Все это, вместе взятое, расширяет, конечно, круг источников повести Пушкина, но мы оставляем все их в стороне, ограничивая свою задачу во возможности полным выяснением только одного, живого, так сказать, источника, до сих пор остававшегося незамеченным.

И, наконец, в № 140 (вторник, 21 июня) в IV из писем в Дерпт (от 14 июня) некий N (Булгарин?) сообщает:

«К числу достойных внимания явлений в здешней столице принадлежат немецкие импровизации г. Лангеншварца, изумившего здешнюю просвещенную публику своим необыкновенным талантом. Г. Лангеншварц, молодой человек лет двадцати пяти, родом из Родельгейма близ Франкфурта на Майне, приятной наружности, образованный науками и обращением в свете, всегда удивлял друзей и товарищей своих легкостью, с какою писал стихи и, по совету их, вздумал образовать в себе дар импровизатора. Самый блистательный успех увенчал его начальные опыты. Он принял путешествие по Германии, и везде принимаем был с самым лестным одобрением: свидетельством тому служат многие германские журналы, в коих статьи об импровизациях его написаны и подписаны известными литераторами. Здесь, в С. Петербурге, импровизировал он однажды публично, в кругу просвещенной части публики, и извлек общие рукоплескания. До начатия импровизации каждый из зрителей мог написать, на приготовленных к тому билетах, какую угодно тему. Г. Лангеншварц, бывший между тем в другой комнате, вошел в собрание и поднес свернутые билеты дамам, украшавшим первый ряд кресел, прося их вынуть несколько задач. Вынули пять билетов. Лангеншварц развернул их, прочитал вслух и избрал первый попавшийся ему: и з в е р ж е н и е В е з у - в и я. Собравшись с духом в продолжение двух или трех минут, он произнес наизусть лирическое стихотворение, в четверостопных ямбических стихах с рифмами — преисполненное пиитических движений и очаровательных картин. Тут не было никаких эпизодов или отступлений для выгирыша времени: он говорил об одном и том же предмете, и все подробности тесно связывались с целым. Сначала казалось, что он не доверяет себе и робеет; но с третьей или с четвертой строфы восторг воспламенил поэта, и стихи полились быстрою рекою: он сошел с эстрады огулушенный громкими единодушными рукоплесканиями. Для второй импровизации, коей предметом назначил он приветствие присутствующим дамам, заданы были ему публикою слова: *перекрестный огонь* (Kreuzfeuer), *ночь* и *правда*. Он написал в двенадцать минут три приветствия на сии слова, при звуках флигеля, на котором играла молодая виртуозка, девица Габлер — написал без остановок, без поправки, и до истечения урочного времени. Письменные его импровизации затруднительнее изустных: в последних можно иное загадать в жару декламации, но зато первые более приносят ему чести: нельзя обвинить его в выдержках из других стихотворений. Третьим опытом его было сочинение стихотворений на заданные слова (*о строумие, нет и бомба*) при непрерывных помехах. Г. Лангеншварц имел перед собою три листа бумаги, по требованию каждого из зрителей переставал писать одно стихотворение и непосредственно принимался продолжать другое; его заставляла отвечать на вопросы, переменять карандаши, снимать со свечи, садиться на другой стул. В короткое время три стихотворения были окончены, и в течение работы он успел сосчитать, что его прерывали ровно 32 раза. В заключение произнес он (также на заданную тему) комический разговор между австрийцем и саксонцем, с соблюдением их наречий, в стихах, и кончил оный прекрасным приветствием публике и благодарением России за гостеприимство. — Блистательный успех г. Л. был поводом тому, что он имел счастье импровизировать при высочайшем дворе. . . перед наследником престола и великими князьями Великая княжна Мария Николаевна изволила

здать ему тему: Сравнение музыки с живописью. Потом по желанию бывшего при том вице-адмирала И. Ф. Крузенштерна, он описал стихами смерть Кука, и, по предложению В. А. Жуковского, сочинил три аполога на слова: жизнь, смерть и бессмертие. Опыты его заслужили внимание и благоволение августейших слушателей. Г. Лангеншварц удаляется на лето в деревню, чтобы отдохнуть от утомительных импровизаций и непрерывных приглашений и заняться чем нибудь важнейшим».

После того как нашумевший с помощью «Северной пчелы» импровизатор, удалившийся на лето в деревню «отдохнуть от утомительных импровизаций... и заняться чем-нибудь важнейшим», вернулся осенью в столь улыбнувшуюся ему на первых порах русскую столицу, он снова попробовал выступить в своей, стяжавшей ему славу, роли, о чем не преминула известить своих читателей та же газета в № 234 (суббота, 8 октября):

«Немецкий импровизатор г. Лангеншварц намерен в будущий понедельник, 17 октября, дать (в зале Коммерческого клуба, что на Английской набережной) вечер, в котором будет он импровизировать на заданные слова в стихах целую комедию или трагедию, по желанию слушателей, в одном акте; во время музыки будет он на заданные слова импровизировать письменно, а потом наизусть, сначала бессвязную смесь в связи *unzusammenhangender Zusammenhang, ein Improvisationsquodlibet*), наконец что-либо юмористическое, по желанию публики. Между импровизациями будет музыка: г. Шрейндер будет играть вариации Герца, а г. К. Ромберг дивертиссемент на виолончели, соч. В. Ромберга. Каждая из двух частей импровизации начнется увертюрою. Начало в 7 ч. вечера. Билеты можно получить у гг. книгопродавцев Грфа и Брифа».

Потому ли, что импровизации Лангеншварца, потеряв острый интерес новизны, перестали занимать петербургский свет, и он их прекратил, что кажется нам вполне вероятным, или по каким-нибудь другим причинам мы не встречаем больше в «Северной пчеле» сообщений о его выступлениях в качестве импровизатора, — только вскоре он заставил о себе снова говорить эту газету, но уже по другому поводу и совсем в ином тоне. Очевидно, возмущенное в вышеприведенном письме N намерение Лангеншварца «заниматься чем-нибудь важнейшим» получило свое осуществление, и в № 267 «Северной пчелы» (вторник, 15 ноября) читаем:

«Здесьшний книгопродавец г. Бриф издает на будущий год первый Немецкий Альманах в С. Петербурге, под заглавием Биармия. Содержание оного есть следующее: 1) Предисловие издателя, 2) Объяснение картинок 1. Олдекопа. 3) Смерть война, повесть из начала нынешнего столетия, соч. г. Лангеншварца. В повести г. Лангеншварца изображены нравы жителей Финляндии» [где Лангеншварц, вероятно, и отдыхал летом].

Это извещение дает нам повод думать, что осеннее выступление Лангеншварца уже не было столь триумфальным, как весеннее, что мода на него прошла и русское петербургское общество к нему охладело, что надо было чем-нибудь снова заставить говорить о себе, и, обратившись на этот раз к покровительству своих соплеменников, он сделал попытку новым способом вернуть к себе угасающий интерес публики, но тут уж ему не повезло вовсе: в своей литературной беспечности, в своем неведении иностранца русских литературных нравов и соотношения сил — Лангеншварц имел неосторожность совершить преступление против Булгарина и этим подписал себе приговор. Вот как гласит этот приговор устами Ф. Б. (Булгарина) в рецензии его на альманах: «*Biarmia, Taschenbuch auf das Jahr 1833. St. Petersburg... 1832*» (№ 304, четверг, 29 декабря):

«...Г. Лангеншварц основал свое повествование на военном рассказе Ф. Булгарина: Смерть Лопатинского (см. «Сын Отеч.» и соч. Ф. Б.). Г-н импровизатор однакож не сознался в этом, и имел на то полное право. Он растянул свой рассказ до бесконечности, напутал туда различных похождений, живописных местностей, разговоров, ужасов и радостей, и погрузил в них основание своей повести так глубоко, что русский автор статьи: Смерть Лопатинского отрекается от всякого участия в сем деле и охотно признает сочинение г. Лангеншварца оригинальным (Повесть сия занимает 312 страниц из числа 379 (всего альманаха!)».

После этого Булгарин, т. е. всемогущая «Северная пчела», не только «отрекся» от повести Лангеншварца, но и навсегда отвернулся от самого незадачливого автора, а этим было сказано все: сойдя со сцены булгаринской газеты, он тем самым сошел и со сцены петербургского светского общества, доставлявшего ему, чужеродному и бездомному, средства к существованию.

Однако все ли этим кончилось? Не было ли с его стороны новых, на этот раз уже, вероятно, жалких, попыток вернуть себе утраченный успех тогда же, а может быть, годом или тремя позже, когда ресурсы несчастного импровизатора окончательно иссякли?

Проблематический ответ на это попытаемся дать ниже, а пока вернемся к Пушкину.

Уже беглый взгляд на вышеприведенные газетные заметки наводит мысль на сближение их с повестью Пушкина. Правда, Лангеншварц появился в наибольшей славе своей, как мы уже

знаем, весной 1832 года, «Египетские же ночи» относятся к 1835 году (или не раньше 1834), и тем не менее мы решаемся утверждать, что появление его и было тем толчком, который побудил Пушкина вернуться через десять лет к полузабытой теме и дать ей новое сюжетное оформление, причем особенно интересно для истории и психологии творчества Пушкина проследить, как перерабатывался им художественный образ на основе реальных данных, как скупно и вместе с тем мудро он ими пользовался. Пример «Египетских ночей» для этого весьма показателен.

Импровизатор Пушкина есть претворенный им Лангеншварц, так же как вся обстановка выступления импровизатора перед обществом есть претворение реальной обстановки весеннего выступления Лангеншварца, подробно описанной в письме N в Дерт, и, конечно, повторенной в осеннем его выступлении, с тою лишь разницею, что Пушкин перенес своего импровизатора из публичного зала Танцовального общества (24 мая) или Коммерческого клуба (17 октября) в частный зал княгини **, чем, помимо естественного во всяком творческом процессе измышления необходимых в сюжетной схеме аксессуаров, могут быть объяснены и многие подробности в рисуемой Пушкиным картине, отсутствующие в рассказах о том же «Северной пчелы».

Из этого как будто с несомненностью вытекает, что Пушкин, проводивший всю весну, лето и осень (за недолгим отъездом в Москву с конца сентября до середины октября) 1832 года в Петербурге, должен был слышать Лангеншварца в одно из его выступлений там в том же году, и скорее всего — 24 мая, так как этот вечер, повидимому, и воспроизведен в «Египетских ночах», судя по совпадающим подробностям; Пушкин не только должен был слышать Лангеншварца, но и вынести какое-то сильное впечатление как от самой личности его, так и от его импровизации.

Но тут нас может остановить промежуток в три с лишним года между возможным первым впечатлением весной 1832 года и художественным оформлением его осенью 1835 года, и для объяснения его нам придется обратиться к тексту «Египетских ночей» и сравнить их с заметками «Северной пчелы».

То обстоятельство, что Лангеншварц был немец из Родельгейма близ Франкфурта на Майне, а пушкинский импровизатор — итальянец из Неаполя («неаполитанский художник»), нисколько, конечно, ставить нас в затруднение не может: нельзя требовать даже от художника-натуралиста, каким

Пушкин никогда не был, фотографического отражения природы; совершенно достаточно и того, что оба — приезжие и чужеземцы.¹

Труднее было бы объяснить разницу возраста и всех обстоятельств, сопутствовавших первому появлению во славе Лангеншварца перед глазами Пушкина весной 1832 года, и обстановки жалкого появления неизвестного странствующего «неаполитанского художника» перед — заметим это — барином-поэтом Чарским, к помощи и покровительству которого, как к последнему якорю спасения, прибегает бродячий импровизатор.² Здесь, однако, само напрашивается далеко не невозможное предположение: не мог ли Лангеншварц, потерявший весь свой кредит в Петербурге, особенно после убийственного для него

¹ Кроме того, в представлении писателей той литературной эпохи образ импровизатора обыкновенно как-то ассоциировался с Италией, как с классической страной всякого искусства вообще, импровизаторского, требующего особенной живости воображения и темперамента — в частности; большинство известных нам в литературе импровизаторов — итальянцы; так это у г-жи Сталь, где и сама Коринна обязана своим даром происхождению своему от матери-итальянки, и появившийся в номере Освальда бродячий импровизатор — римлянин; так это и у Одоевского, и в романе Андерсена «Импровизатор» (по-русски появился в 1844 году), в котором все действие романа, подобно «Коринне», происходит в Италии, и у др. Пушкин не отступил от литературной традиции и сделал своего импровизатора тоже итальянцем, наделив его всеми, считавшимися характерными для этой нации, чертами как внешности, так и внутренних свойств (практицизм и аичность на ряду с гениальной одаренностью и пр.), сближающими отчасти образ Пушкина с образом Одоевского, хотя оба они даны в разных планах.

² Припомним еще раз чем-то напоминающее этот эпизод у Пушкина появление в номере Освальда, богача-аристократа и лорда, нищего импровизатора из «Коринны» (см стр. 190, прим 1), кроме того, сохранился рассказ о случае с самим Пушкиным, переданный со слов С. Н. Гончарова («Русская старина» 1880, май, стр 94—96, и «Русский архив» 1874, кн. II, № 5, стр. 98—99), когда в мае 1834 года на квартиру к нему в неуточное время явился актер-травестист и чревоушатель Александр Ваттемар с просьбой о содействии его публичным выступлениям в Петербурге и в Москве, на которую Пушкин охотно отозвался рекомендательным письмом к Загоскину и, может быть, еще чем-нибудь другим. Сообщая рассказ Гончарова, автор статьи в «Русской старине» (Каратыгин) добавляет, что «это посещение напоминало итальянца-импровизатора в «Египетских ночах»; действительно, некоторые черты совпадения могут быть констатированы; это — самый факт посещения, его несвоевременность (для Чарского — в запретные для всех часы его поэтических вдохновений, для Пушкина — тоже в его рабочие часы и, кроме того, в дни, когда он был поглощен самыми неприятными личными делами) и его результаты (отклик на просьбу о помощи); но дальше идут черты различия настолько резкие, что они невольно требуют какого-то другого источника, если не реального, то литературного, хотя бы эпизода с импровизатором из романа Сталь;

охлаждения к нему Булгарина и «Северной пчелы», провлачив кое-как три года в темных углах столицы, также прибегнуть к последней попытке спасения, т. е. обратиться осенью 1835 года за помощью к «собрату» Пушкину, о котором он должен был достаточно много слышать и узнать за это время, как весной 1834 года обратился к нему чревовещатель Александр Ваттемар?¹ Если Пушкин слышал Лангеншварца в 1832 году и поразился его дарованием, то появление последнего у себя на квартире через три года в жалком, униженном, голодном и изношенном виде должно было произвести на чуткого поэта не менее, а скорее даже гораздо более сильное впечатление, вызвав в памяти яркую картину первых триумфальных выступлений немецкого импровизатора, и заразить Пушкина новым творческим волнением, на этот раз не оставшимся

начать с того, что Ваттемар «смешил» Пушкина «до слез» (по его собственным словам в письме к жене от 29 мая 1834 года) самым характером своего таланта, тогда как итальянец-импровизатор повести глубоко взволновал или, как говорит Пушкин, изумил и растрогал Чарского своим необыкновенным искусством; затем: вряд ли Ваттемар мог третировать Пушкина, как своего «собрата», до того несхожи были искусства, которыми они служили; наконец Ваттемар при посещении им Пушкина был далеко не жалким бродягой; он привез с собою и показывал Пушкину альбом, в котором находились отзывы о нем и посвященные записи разных литературных знаменитостей Запада, в который и Пушкин счел возможным поместить свой автограф (см. «Русская старина» 1880, № 9, стр. 221), что при обстоятельствах, описанных в «Египетских ночах», вряд ли могло бы случиться, и если мы упоминаем здесь о посещении Ваттемара, то, во-первых, для того, чтобы не пропустить существующей в литературе ссылки на этот эпизод, в связи с «Египетскими ночами», во-вторых, для того, чтобы наглядно показать, что если мог иметь место случай посещения Пушкина Ваттемаром, такое же место мог бы иметь и случай посещения его Лангеншварцем (о чем ниже), и, в третьих, что: Ваттемар или Лангеншварц, — сейчас это безразлично, — но вот новый факт теснейшей связи творчества Пушкина с событиями его личной жизни. (Об А. Ваттемаре см. сводку источников, сделанную М. П. Алексеевым в сборнике под его редакцией «Пушкин, статьи и материалы», в II, Одесса 1926, стр. 46).

¹ Что обращения приезжих артистов за содействием к представителям литературы были обычным явлением, видно из того, что в феврале 1836 года В. А. Эртель направил к Боратынскому в Москву приехавшего в Петербург музыканта-импровизатора Штэйна, обратившегося к Эртелю за рекомендательными письмами. «Поэт есть рожденный друг и покровитель Артиста, — писал по этому случаю Эртель Боратынскому 19 февраля, — и так я его адресую к тебе, как брату в Аполлоне. . . он в Москве желает дать один или несколько концертов и также играть в частных домах.

Не откажи ему, пожалуйста, в своих советах касательно цен, выбора домов, и вообще содействуй, сколько можешь, в успехе его предприятия».

Письмо Эртеля любезно сообщено мне в копии И. Н. Медведевой.

совсем бесплодным. Могло, однако, случиться, и так, что в 1832 году Пушкин Лангеншварца не слышал, а все произошло в 1835 году именно так, как об этом повествуют «Египетские ночи», т. е. что Пушкин действительно устроил Лангеншварцу какое-нибудь выступление в частном доме, послужившее основой для последней обработки темы «Клеопатра». Наконец возможно и такое предположение: Пушкин слышал Лангеншварца только весной 1832 года в зале Танцовального общества 24 мая, намеки на что можно усмотреть в повести, о чем ниже; почему-то тогда впечатление это прошло бесследно для творчества поэта; осенью 1835 года что-то снова напомнило ему об импровизаторе: личное ли посещение последнего, неожиданная встреча с ним на улице или где-нибудь в другом месте при особенно взволновавших Пушкина обстоятельствах, слух ли о нем от кого-либо третьего, случайно ли попавший на глаза в тиши Михайловского старый номер «Северной пчелы» с описанием вечера 24 мая, — и Пушкин вдруг со всей реальностью зрительного восприятия воскрешает затаившееся в глубинах памяти впечатление, сразу наталкивается на недавний сюжет и быстро разрабатывает его в три первые главы «Египетских ночей» со всеми подробностями живой картины там же, в Михайловском.

Мы склоняемся к этой последней гипотезе, разрушить которую могло бы только точное доказательство того, что «Египетские ночи» были написаны совсем в другое время, именно до весны 1832 года (что невозможно уже из-за существования автографов-набросков на тему «Клеопатра» на бумаге 1834 года), или при совсем других, определенно объясняющих иное происхождение их, обстоятельствах, что до сих пор не сделано, и, вероятно, сделано никогда не будет, так как гипотеза наша и источники говорят сами за себя. Если предположить, что «Египетские ночи», хотя и в 1835 году, но с таким же успехом могли быть написаны как в Михайловском, так и до или после него, то окажется, что существенного значения это для нас не имеет; нам важно установить только одно: что Лангеншварц мог дать Пушкину толчок для написания «Египетских ночей», что он мог послужить прообразом итальянца-импровизатора и что все это он действительно сделал.

Так как последнее утверждение покрывает собою первые, то к нему мы и обратимся, приняв его пока для облегчения себе задачи за рабочую гипотезу; для доказательства же последней рассмотрим наши источники.

4

Начнем свой разбор в порядке повествования «Египетских ночей».

Вошедший к Чарскому незнакомец «казался¹ лет тридцати»; наружность его описана чертами лица, свойственными человеку южной расы, в частности — итальянцу, каким Пушкин сделал своего импровизатора: смуглое выразительное лицо, «черные клоки волос», «черные сверкающие глаза, орлиный нос и густая борода, окружающая впамяе, желто-смуглые щеки».² Костюм незнакомца характеризуется так: «На нем был черный фрак, побелевший уже по швам; панталоны летние (хотя на дворе стояла уже глубокая осень); под истертым черным галстуком на желтоватой манишке блестел фальшивый алмаз; шершавая шляпа, казалась, видела и ведро и ненастье. Встретясь с этим человеком . . . . в передней [вы приняли бы его] за шарлатана, торгующего элексиром и мышьяком». Словом, все в этом описании выдает человека, дошедшего до крайней степени обнищания и всевозможных жизненных невзгод. Наружность Лангеншварца намечена нам только слегка в письме N. «г. Лангеншварц молодой человек лет двадцати пяти. . . приятной наружности, образованный науками и обращением в свете», — т. е. как будто вовсе несоответственно изображению Пушкина; но, во-первых, мы не имеем никакого права требовать от художника такого соответствия, если бы даже повесть была написана в 1832 году, т. е. в год первого появления Лангеншварца и письма N, а, во вторых, мы ведь согласились с принятой датировкой «Египетских ночей» осенью 1835 года, т. е. спустя три года, когда «молодой человек лет двадцати пяти» (следовательно, может быть, и 26) мог превратиться в «незнакомца», который «казался лет тридцати» (следовательно, может быть, и 29 и 28); тогда возможно и не мудрено, что и литературная неудача, постигшая Лангеншварца в конце 1832 года, и возможное трехлетнее, может быть, нищенское поозыбание его где-то в Петербурге, как результат этой неудачи и лишения поддержки «Северной пчелы», — «побелили по швам» его некогда совсем черный фрак, «истерли» черный галстук, шляпу заставили видеть «и ведро и ненастье», сохранить на нем, несмотря на «глубокую осень» 1835 года, те же «летние» панталоны,

¹ Разрядка в текстах Пушкина здесь и в других местах — наша

² Вспомним внешность импровизатора в «Коринне» г-жи Сталь (стр. 190, прим. 1).

в которых он весной 1832 года прибыл в Петербург из Германии «в надежде на свой талант» («Египетские ночи») и которых он ничем более подходящим к сезону заменить уже не смог, а самого его, «образованного науками и обращением в свете», превратить в подобие «шарлатана, торгующего эликсирами и мышьяком».

Незнакомец обращается к Чарскому, как к «своему брату»,¹ и тут характерно инстинктивное отталкивание барина-Чарского (Пушкина) от такой профессиональной фамильярности: «Невозможно было нанести тщеславию Чарского оскорбления более чувствительного», сознается Пушкин; «он спесиво взглянул на того, кто назывался его братом». Это и последующее описание настолько действительно для психики Пушкина тех лет, что его вполне возможно принять за передачу реального события, как мы это и сделали в своем месте, так же как и конечное возобладание большого благородного сердца над суетным тщеславием и барской спесью.

Помощь незнакомцу оказана, и платный вечер в зале княгини * назначен, причем время начала его указано в 7 часов, как и в извещениях «Северной пчелы». Правда, час этот мог быть и был обычным в те времена для начала всяких публичных вечеров, спектаклей и т. п., но в частных домах они начались, можно думать, позже, как это всегда бывало в таких случаях; Пушкин же механически перенес цифру 7, запомнившуюся ему от того вечера, когда сам он слышал Лангеншварца, на вечер в зале княгини **; лишнее доказательство того, что Пушкин присутствовал на импровизациях Лангеншварца 24 мая 1832 года.

Прежде чем перейти к вечеру, отметим еще один интересный для нас штрих в повести. Прослушав первую импровизацию итальянца у него в номерах, Чарский «молчал изумленный и растроганный», и вместо ответа на вопрос итальянца: — ну что? — «схватил его руку и сжал крепко». «Удивительно!» восклицает дальше Чарский на повторенный вопрос; — «как! Чужая мысль чуть коснулась вашего слуха — и уже стала вашей собственностью, как будто вы с нею носились, лелеяли, развивали ее беспрестанно. Итак, для вас не существует ни труда, ни охлаждения, ни этого беспокойства, которое предшествует вдохновению? Удивительно, удивительно!..» Так вот что пора-

¹ В противоположность Ваттемару Лангеншварц имел некоторые основания для подобного обращения хотя бы в том, что он был автором напечатанной повести, не говоря уже о его таланте поэта импровизатора, непосредственно родившем его, например, с Мицкевичем.

зило Пушкина в импровизации Лангеншварца: легкость заражения, перевоплощения и самого создания, без предшествующих ему мук творчества; вот что вызвало его ответное творческое волнение и побудило Пушкина воплотить в художественном создании его образ, не говоря уже о том, что мотив вечера импровизации в светском салоне был очень удачной сюжетной рамой для начала повести на тему набросанного когда-то стихотворного отрывка из жизни египетской царицы, долженствующей перейти — по мере дальнейшего развития сюжета — в повесть из русской жизни на ту же тему. Но дальше вслед за «восхищением» в Чарском наступает минутное отвращение к итальянцу за его, уживавшийся рядом с подлинным вдохновением, «меркантилизм», заставивший Чарского «с высоты поэзии упасть под лавку конторщика». Не этими ли словами выразил Пушкин то, что могло случиться с ним самим три года назад на вечере Лангеншварца, когда, после вдохновенной, вероятно, импровизации на тему «извержение Везувия», Лангеншварц вслед затем пустился для развлечения публики в дешевые трюки, как приветствия присутствовавшим дамам, или совсем уже акробатические фокусы писания одновременно трех стихотворений на разные темы по одной строке на разных листах бумаги «при непрерывных помехах», изображения «комического разговора между австрийцем и саксонцем» и т. п.? Не поспешил ли и Пушкин, так же как Чарский, уйти с вечера до окончания его, «чтобы не совсем утратить чувство восхищения, произведенное в нем блестящею импровизациею?» Или, может быть, не приняв своевременно этой меры и досидев до конца, он невольно убил в себе это «восхищение» и постарался забыть возникший было вдохновенный образ? ¹ И только

¹ Дело могло быть, однако, и так, что Пушкин мог быть свидетелем та кой же сцены на вечере Лангеншварца, какая была описана и, может быть, подмечена в действительности, Одоевским, воспроизведшим в своем «Импровизаторе» то же выступление Лангеншварца 24 мая, что и Пушкин («Альциона» на 1833 год с рассказом Одоевского была подписана цenzором к печати 18 октября 1832 года, следовательно, вечер Лангеншварца 17 октября никак в него войти не мог). «Еще последний слушатель не вышел из залы», — читаем мы у Одоевского, — «как импровизатор бросился к собиравшему деньги при входе и с жадностью Гарпагона принялся считать их»; у Пушкина повесть обрывается, не дойдя до конца вечера, но, судя по отмеченным им раньше чертам «неаполитанского художника» (быстрый переход от вдохновения к «меркантилизму» и пр.), подобная сцена легко могла найти себе место и в его повести, в особенности если она коренилась в реальной действительности, а тогда не было бы ничего удивительного в том, если бы она, наряду с перенесенным выше, надолго расхолодила Пушкина

через три года, поняв на личном горьком опыте всю «житейскую необходимость» меркантильных расчетов и трюков «конторщика», Пушкин смог воскресить образ Лангеншварца очищенным и оправданным.

Картина салонного выступления импровизатора у Пушкина такова в своих декорационных подробностях, какой, приблизительно, она и должна была быть при выступлениях Лангеншварца как в общественном зале, так и в частных домах; освещенный зал с рядами стульев, эстрада или «подмости» с местами для музыкантов и «фарфоровой вазой» для опускания билетов с заказами на столе, посреди подмостков, билетерша у входа, жандармы у подъезда, блестящее общество нарядных дам и мужчин. В описании N (№ 140) не сказано, в чем «поднес» Лангеншварц «свернутые билеты дамам», но в частном доме княгини ** таким сосудом естественно надлежало быть фарфоровой вазе; далее, у N сказано (там же), что импровизация (24 мая) сопровождалась «звуками флигеля, на котором играла молодая виртуозка девица Габлер», и у Пушкина итальянец в номерах импровизирует под аккорды музыкального инструмента (гитары), на вечере же в зале княгини ** он имеет уже целый оркестр, заигравший перед началом увертюры из «Танкреды»; но если 24 мая у Лангеншварца была только «девица Габлер», — для выступления своего 17 октября он также пригласил целую группу музыкантов, и «каждая из двух частей его импровизации» начиналась «увертюрой», правда, не сказано, какой (см. № 234); об этом Пушкин мог прочесть в газете тогда же или осенью 1835 года в Михайловском, когда писал «Египетские ночи» (о возможности такого чтения мы уже высказались выше), а мог и самопроизвольно ввести в свою картину оркестр, как вполне подходящую к ней деталь.

Появление итальянца на эстраде со всеми сопровождающими его подробностями описано Пушкиным приблизительно так, как оно должно было происходить и при выступлениях Лангеншварца, и как оно кратко описано в письме N; Пушкин сопроводил его неизбежными деталями художественного и сюжетного порядка, которых мы перечислять здесь не будем; важно отметить только две, на первый взгляд, незначительных детали: среди вытасенных итальянцем из вазы билетиков с темами была одна такая: «L'ultimo giorno di Pompeia»,¹

¹ Интересно, что и картина Брюллова (1834 года!) называлась так же (см. стр. 190, прим. 1), и на ее сюжет начат отрывок «Везувий зев открыл...»; не должен ли он был войти в повесть как одна из импровизаций этого вечера?

близкой к которой может считаться тема «Извержение Везувия», избранная Лангеншварцем для своей импровизации 24 мая из всех остальных, ему предложенных, и число 5 для билетов с темами как у Лангеншварца, так и у пушкинского итальянца, которое может считаться новой, случайной и совсем уже мелкой, но тем не менее показательной реминисценцией памяти; таким образом и эти две маленьких детали лишней раз указывают на то, что в «Египетских ночах» Пушкин описывает именно это первое выступление Лангеншварца 24 мая, на котором, следовательно, он должен был присутствовать лично, и что отсюда ведет свое начало образ импровизатора в «Египетских ночах». А если так, то наша рабочая гипотеза может считаться оправданной и доказанной всем предыдущим ходом сопоставления текстов пушкинской повести с текстами «Северной пчелы».

Вывод один: не поддававшаяся долгие годы сюжетному оформлению тема «Клеопатра» получила неожиданный для своего развития толчок от выплывшего в сознании Пушкина образа импровизатора; образ этот внушен был поэту импровизациями Лангеншварца, точнее — вечером 24 мая 1832 года, на котором Пушкин присутствовал; охлажденный акробатическими фокусами Лангеншварца (или чем-нибудь другим, отчего главная нить нашей схемы творческого процесса Пушкина в «Египетских ночах» не будет нарушена), Пушкин забыл о нем на три года; под влиянием какого-то внешнего воздействия (из числа перечисленных нами выше, или всех их вместе, или еще какого-нибудь нового, что также нашей схемы не нарушает) Пушкин воскресил в своей памяти вечер 24 мая и под влиянием этого воскрешения приступил к созданию «Египетских ночей».

Несовершенство нашей библиографии производит иногда то, что какая-нибудь мелочь, очень, однако, существенная для нашей работы, ускользает в нужную минуту от нашего внимания и потом случайно и неожиданно попадает нам на глаза тогда, когда уже поздно что-либо изменить. Так, затерянная среди мелочей пушкинианы крошечная, но очень для меня важная «Библиографическая заметка» Ф. А. Витберга, впервые называющего в ней — на основании публикаций «С.-Петербургских» и «Московских ведомостей» — имя и импровизации Лангеншварца в связи с вопросом об источниках «Египетских ночей», была указана мне Д. П. Якубовичем тогда, когда статья эта была уже готова к отпечатанию, и мне остается в свою очередь указать на нее здесь для того, чтобы снять с себя возможный

упрек в умолчании беглого, но очень важного упоминания моего предшественника в вопросе, послужившем темой настоящей статьи. Приводимый в заметке материал подтверждает мое предположение о том, что Пушкин на импровизациях Лангеншварца весною 1832 года присутствовал, а гипотеза о бытовом первоисточнике повести встречает в лице Витберга новую поддержку (см. «Северный вестник» 1895, X, стр. 316—317).

За ценные указания приношу свою искреннюю благодарность Л. Б. Модзалевскому, Б. В. Томашевскому и Д. П. Якубовичу.

Е. Казанович

VIII

Александр Пушкин

Историко литературная справка ¹

Вступительная заметка, перевод с польского и примечания С. Басова-Верхолянцева

Важна всякая, даже самая незначительная подробность, касающаяся Пушкина, его жизни, творчества, его взглядов. Особенно, если подробность хся бы и из вторых рук, исходит от современников, лично знавших великого поэта К такого рода материалам должна быть отнесена статья Л Реттеля, совершенно не затронутая нашими пушкинистами. Находится она в пятом томе полного собрания сочинений Адама Мицкевича, изданного в Париже в 1880 году

Леонард Реттель — один из видных деятелей польского восстания 1830 года. Входил, между прочим, в состав небольшой группы революционеров, пытавшихся арестовать в Бельведерском замке наместника Царства Польского — великого князя Константина Павловича (брата Николая I) Известно о Реттеле, что был он другом Мицкевича и вместе с ним, находясь в эмиграции, подпал впоследствии под влияние мистиков По убеждениям республиканец и социалист (утопист в духе Сен Симона).

Принимая участие в упомянутом издании сочинений Мицкевича, Реттель ввел в V томе раздел «Александр Пушкин», состоящий из двух статей Одна принадлежит самому Мицкевичу: пространный некролог — «Александр Пушкин» с оценкой творчества и личности нашего поэта (появился первоначально на французском языке) Другая — сопровождающая эту статью — написана Реттелем, переведшим некролог на польский и снабдившим его своим вступлением: «Предисловие переводчика».

Надо, однако, сказать, что Реттель лично с Пушкиным никогда не встречался. Пишет о нем исключительно со слов Мицкевича, слабривая слы-

¹ Статью польского писателя Л Реттеля мы печатаем с некоторыми сокращениями, оставляя в ней всю фактическую сторону, касающуюся двух гениальных поэтов — Пушкина и Мицкевича

З В Е Н Ь Я

СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ XIX ВЕКА.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА,
Л. Б. КАМЕНЕВА И А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

III—IV

А С А Д Е М І А
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1 9 3 4